

Шкаровский Михаил Витальевич

*Российский историк, доктор исторических наук.
Ведущий научный сотрудник Российского
государственного исторического архива,
преподаватель Санкт-Петербургской
Духовной Академии (г. Санкт-Петербург)*

Российская Православная Духовная Миссия в Корее в 1917-1949 гг.

Российская Православная Духовная Миссия в Корее была учреждена указом Святейшего Синода от 2-4 июля 1897 г. и к 1917 г. включала 12 человек: заведующий (иеромонах), священник, диакон, два псаломщика и семь катехизаторов (заведующий и один псаломщик были русскими, а остальные - корейцы). Кроме церкви свт. Николая Чудотворца в Сеуле, Миссия имела пять миссионерских станов - фактически приходов в провинции в разных частях страны, с несколькими сотнями православных корейцев (около 600). При каждом из станов был молитвенный дом-фанза и небольшой клочок земли. До 1918 г. эти станы обслуживались священником, псаломщиком и пятью катехизаторами-корейцами. Революционные события 1917 г. и последовавшая вскоре утрата связей с Россией значительно осложнили деятельность Миссии. Когда иссякли все средства к существованию, служащие станом прекратили свою деятельность и селения остались без руководителей. Еще в первой половине 1917 г. были уволены миссийские катехизаторы, поэтому в дальнейшем их роль исполняли местные старожилы-корейцы. 1 июля пришлось закрыть все семь школ для корейских детей из-за отсутствия средств на их содержание и уволить 17 учителей-корейцев. [23, с. 284-285]

1 октября 1917 г. в качестве заведующего Корейскую Духовную Миссию возглавил иеромонах Феодосий (в миру Феодор Перевалов, 1875-1933). В 1894 г. он поступил послушником

пещер Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, в 1897 г. был принят в монастырь. В период Русско-японской войны 1904-1905 гг. Ф. Перевалова командировали в Маньчжурию на театр военных действий псаломщиком походной церкви, с 1906 г. он находился на службе во вновь открытой Духовной Миссии в Корее в качестве регента и учителя пения, в 1908 г. принял монашеский постриг. В 1910 г. отец Феодосий был рукоположен архиепископом Владивостокским Евсеем во Владивостоке во иеродиакона и иеромонаха. В дальнейшем он нес миссионерские послушания на подворье Корейской Миссии во Владивостоке и в других местах Владивостокской епархии, в 1916 г. был судовым священником на крейсере «Орел».

В результате революции в России Корейская Духовная Миссия полностью лишилась высылаемых ей Святейшим Синодом денежных средств. Не имея никаких собственных статей дохода, Миссия оказалась в чрезвычайно бедственном положении. К середине 1918 г. в ее составе осталось только три человека – иеромонах Феодосий (Перевалов), диакон Лука Ким и псаломщик Алексей Ким. Миссия сохранила также маленький детский хор из 10-12 человек и два – три служащих.

Архиепископ Владивостокский Евсей (Никольский) решил сдать в аренду главное миссийское здание в Сеуле со всеми второстепенными постройками, с тем, чтобы служащие Миссии переехали в пустовавшее задние школы, куда следовало перенести также и миссийскую церковь. Однако ни основное здание, ни пристройки к нему не были сданы в аренду из-за отсутствия заинтересованных арендаторов, и заведующему Миссией пришлось начать продажу принадлежавших ей земельных участков, прежде всего пустовавших школьных домов в провинции.

Викарий Владивостокского архиепископа, епископ Павел (Ивановский) писал 17 апреля 1918 г. иеромонаху Феодосию из Москвы: «Сообщаю Вам, что я докладывал о бедственном положении Сеульской Миссии Собору и писал доклады спеш-

ные, но практической пользы добьемся едва ли скоро, ибо Церковь наша не только бедна, но и нища, а сборы церковные теперь тащат во все стороны, чтобы заткнуть нужды на местах. Притом 40 миллионов церковных денег конфискованы. Ввиду этого я уже писал Вам, чтобы Вы продавали ненужные церковные здания, а затем и дачу за северными воротами. Бывшую женскую школу сдайте в аренду, если нельзя сдать главного миссийского здания... Бедствуют все Миссии: Пекинская тоже приступила к распродаже кое-какого имущества». Несмотря на все трудности, архиепископ Евсевий просил отца Феодосия не покидать Сеул. Таким образом, Миссия фактически была предоставлена самой себе, а покупателей на ее здания не находилось. Позднее иеромонах Феодосий писал, что закрытия Миссии не произошло лишь «только по нравственной поддержке архипастырей Владивостокских, отечески советовавших... держаться до последней крайности». [19, с. 352-353]

В этих условиях Миссии получила материальную поддержку со стороны инославных и иноверных. Так, начальник Англиканской Миссии в Сеуле епископ Марк Троллоп поддерживал Православную Миссию ежемесячными денежными субсидиями по 250-300 йен с июня 1918 по декабрь 1919 гг. (в общей сложности 5100 йен). Проживавший в Иокагаме пионер российской торговли в Корею иудей М.А. Гинсбург также пожертвовал Миссии в конце 1918 г. 10 тысяч рублей (что тогда было эквивалентно 2100 йен) без каких-либо обязательств с ее стороны. Кроме того, по ходатайству Токийского архиепископа Сергия и министра юстиции белого Омского правительства Г.Г. Телберга три-четыре раза небольшую помощь Миссии предоставляло Российское посольство в Токио, продолжавшее работать до признания Японией СССР в 1925 г. [31, р. 488]

Несмотря на оказанную помощь, отцу Феодосию пришлось сдать в аренду под огороды значительную часть земель, что стало основным источником дохода на долгие годы. К счастью для работников Миссии, в их собственности имелось

небольшое рисовое поле, что позволило им получать пропитание и часто спасало от голода. Все свободные квартиры также были сданы русским иммигрантам. Бедная корейская паства не в состоянии была материально поддержать Миссию (к тому времени в Приморье, Маньчжурии и Японии проживало около 6 тысяч православных корейцев, в самой Корее – около 600 человек). [19, с. 353]

Согласно указу Временного Высшего Церковного Управления в Омске от 19 июля 1919 г. Корейская Миссия по-прежнему подчинялась Владивостокскому архиепископу. Указом от 2 ноября 1920 г. Владивостокский Епархиальный совет утвердил иеромонаха Феодосия в должности начальника Корейской Миссии. Ее подчинение Владивостокскому архиепископу сохранялось и в период существования Дальневосточной республики 1920-1922 гг. [30, р. 15, 48]

С поражением белого движения в Приморье стали невозможными прежние церковные связи между Владивостоком и Сеулом. В этих обстоятельствах Японская Православная Духовная Миссия, ставшая основой для Японской Православной Церкви, казалась лучше всего подходящей, чтобы поддержать Корейскую Миссию и защитить ее от юридических претензий советского и японского государств. Идея поручить руководство Корейской Миссией русскому иерарху в Японии неоднократно высказывалась и раньше. В частности, викарий Владивостокской епархии епископ Павел (Ивановский) писал об этом в Токио Владыке Сергию (Тихомирову) в 1917 г. [23, с. 263]

Непосредственной же причиной подобного решения стало частное письмо, посланное из Сеула иеромонахом Феодосием ставшему в 1920 г. заместителем Патриаршего престола и митрополитом Крутицким и переехавшему в Москву Владыке Евсевию (Никольскому), который передал письмо Святейшему Патриарху Тихону. Указом Священного Синода от 4/17 ноября 1921 г. Миссия была изъята из подчинения Владивостокскому Епархиальному управлению. В соответствии с этим указом с момента получения синодального решения

(26 января 1922 г.) Миссия стала подчиняться архиепископу Токийскому Сергию (Тихомирову). В 1921 г., в преддверии грядущего захвата красными войсками Приморья, вопреки протестам епископа Владивостокского и Приморского Михаила (Богданова), Высшим Русским Церковным Управлением за границей (ВРЦУ) была учреждена самостоятельная Харбинская епархия в своем подчинении (Владыку Михаила уведомили об этом указом от 29 марта 1922 г.). В данной связи статус Корейской Миссии некоторое время казался неопределенным, но 2/15 декабря 1922 г. и образованный вместо упраздненного ВРЦУ Русский Архиерейский Синод за границей принял решение о передаче Духовной Миссии в Корею в управление архиепископа Сергия. [27, с. 5]

Фактически же Миссия перешла в ведение Владыки Сергия (Тихомирова) в 1923 г., который приезжал в Сеул впервые 1 июля 1921 г., а затем – для знакомства с новой паствой - 30 декабря 1923 г. Дважды, проездом в Токио, – 19-31 августа 1921 и 17 декабря 1923 гг. в Сеуле побывал епископ Камчатский Нестор (Анисимов). 5 марта 1923 г. в соборе Никорай-до за понесенные труды по управлению Миссией архиепископ Сергей (Тихомиров) возвел о. Феодосия в сан архимандрита, а 31 марта 1924 г. рукоположил диакона Луку Кима в сан священника. [23, с. 298-303] Следует отметить, что Корейская Миссия находилась под личным управлением Владыки Сергия и никогда не объединялась с Японской Православной Церковью, в частности, с проживавшими в Корее православными японцами, которых окормляли приезжавшие к ним японские священники. [30, р. 15, 49]

Число этих японцев, селившихся в различных частях Кореи постепенно росло. Вопрос их окормления был решен Собором Японской Церкви, и священник Антоний Такаи Макио из Нагасакского прихода, который также окормлял православных японцев, проживавших в Маньчжурии и на Тайване, являлся постоянным японским священником для Кореи в течение почти всего колониального периода. Уже в июле-августе 1919

г. он посетил, по крайней мере, 23 хозяйства православных японцев в Корее, некоторых знакомых русских в Сеуле и Пусане, а также начальника Миссии отца Феодосия. Хотя в это время в Корее проживали, как минимум 100 православных японцев, они никогда не упоминались ни в каких материалах Духовной Миссии, и, таким образом, существовал явный недостаток взаимодействия между японскими и корейскими единоверцами. Одной из причин являлся лингвистический барьер, другой – социальные различия – японцы были гораздо богаче. Определенные связи обеспечивали только русские эмигранты, в частности, отец Антоний Такаи дружил с некоторыми проживавшими в Корее русскими. [31, р. 487]

В 1924 г., накануне установления советско-японских дипломатических отношений, Корейская Миссия оказалась перед необходимостью срочной регистрации своей недвижимости, поскольку советские власти пытались претендовать на все церковное имущество за границей на правах преемника Российской империи. Существовала и опасность того, что на имущество Миссии станут претендовать поддерживаемые руководством СССР раскольники-обновленцы. В случае соответствующего договора с Японией, под чьей властью тогда находилась Корея, Духовная Миссия могла лишиться всего своего достояния. Между тем японские власти отказывались признать Корейскую Миссию как самостоятельное юридическое лицо. Регистрация имущества на имя Русской Православной Церкви привела бы к потере собственности в будущем, а регистрация на частное лицо повлекла бы за собой слишком высокое налогообложение, к тому же законность такой регистрации могла оспариваться другими лицами. В этой связи было принято решение включить миссийное имущество в «Имущественное общество Японской Православной Церкви», признаваемое японскими властями в качестве юридического лица (часть собственности еще раньше была зарегистрирована на частное лицо – игумена Владимира, заведовавшего Миссией в 1914-1917 гг.). [19, с. 354-355]

Совет директоров общества возглавлял Токийский архиепископ Сергей, который в письме от 13 июля 1924 г. сообщил отцу Феодосию, что все имущество Миссии зарегистрировано должным образом, уверил в полной неприкосновенности ее авуаров и отправил архимандриту оригиналы соответствующих документов. Вскоре Японская Церковь послала в Сеул своего эксперта по регистрации собственности диакона Моисея Кавамуру, который узаконил юридическое состояние Корейской Миссии, сохранив ее от советского поглощения. [23, с. 294-295] После прекращения нормальной связи с Московским Патриархатом Миссия несколько раз подвергалась попыткам захвата (как имущества, так и церковной власти) со стороны разных лиц. Первая такая попытка была сделана в 1925 г., дело носило имущественный характер и предпринималось лишь в целях наживы. При этом на место архимандрита Феодосия предполагалось поставить корейского священника. Зачинщики акции были силой выведены с территории Миссии русскими эмигрантами, нашедшими приют в Корее в послереволюционные годы.

Следует отметить, что после взятия Владивостока частями Красной армии 25 октября 1922 г. в течение нескольких недель около 15 тысяч русских беженцев прибыли в ближайший корейский порт Вонсан, из них приблизительно 7 тысяч оставались в стране в течение нескольких месяцев или даже лет. К середине 1920-х гг. в Корею еще проживали 2-3 тысячи русских эмигрантов, большинство из которых бедствовали, добывая средства к существованию мелкой торговлей, контрабандой, или случайными заработками. [21, с. 61]

Эти люди нашли в Миссии естественный центр для проведения своих культурных и общественных мероприятий, также как и место проживания. Способные вносить арендную плату эмигранты, стали жителями почти всех сдаваемых в аренду помещений Миссии и скоро получили заметное влияние на ее деятельность. Это русское население стало новым явлением в жизни Миссии, в значительной степени временно превратив

ее в церковную организацию российских беженцев, что, в частности, повлияло на политическую ориентацию Миссии. Так, например, архимандрит в середине 1926 г. писал, что он отказывается идентифицировать СССР с Россией: «Россия осталась за верными церкви и родине людьми, которые не поклонились 'красному зверю'». [23, с. 292]

В феврале 1925 г. Япония установила дипломатические отношения с Советским Союзом, в сентябре того же года Российское генеральное консульство в Сеуле (последним управляющим которого в 1921-1925 гг. был М.Ф. Гефтлер) оказалось закрыто, и его сменило Генеральное консульство СССР, занявшее прежнее здание, рядом с территорией Духовной Миссии. [21, с. 61] Вслед за первым советским консулом Борисом Шармановым стали появляться и «красные русские» – сотрудники консульских учреждений и внешнеторговых организаций. С этого времени, вплоть до 1945 г., «гражданская война» среди сеульских русских уже не прекращалась. Немногочисленная «белая» и совсем крохотная «красная» общины друг с другом принципиально не общались. Ситуацию усугубило то обстоятельство, что «враждебные штабы» - здания советского консульства и Духовной Миссии, ставшей главным центром «белых русских», оказались в непосредственном соседстве друг с другом. [1, с. 154]

В начале 1925 г. в составе Миссии были три миссионера (архимандрит Феодосий, священник Лука Ким и псаломщик Алексей Ким), хор певчих из 10-12 русских и корейцев, пять станов, 570 православных корейцев и 19 прихожан-иностранцев. Из общего числа – 592 прихожанина, 194 проживали в Сеуле, 113 – в Марысими, 89 – в Сончоне, 77 – в Каругае, 63 – в Квэхе и 56 – в Ильсане. Библиотека Миссии в Сеуле насчитывала 3749 томов. 17 февраля 1925 г. исполнилось 25 лет со дня начала деятельности православных миссионеров в Корее (освящения церкви в Сеуле). Архимандрит Феодосий хотел отметить этот юбилей, но архиепископ Сергей при личном свидании с ним высказался не в пользу

празднования: «Теперь, когда Россия и Церковь находятся в угнетении, не время юбилейных празднеств и торжеств». В соответствии с этим указанием начальник Миссии ограничился в день юбилея обычным богослужением с добавлением молебного пения в храме. 30 июня 1926 г. отец Феодосий завершил написание интересного и содержательного очерка «Российская Духовная Миссия в Корее», изданного в том же году в Харбине. [23, с. 284-287, 308-309, 312]

Архимандриту Феодосию пришлось нести на себе тяжкое бремя управления Миссией в сложные годы – в условиях, когда из России не только не приходилось ожидать поддержки, но даже существовала угроза. Миссия была вынуждена фактически прекратить свою миссионерскую деятельность с закрытием школ в середине 1917 г. и увольнением миссионерских катехизаторов. Ее работа фактически свелась к сохранению православной общины в Корее и пастырской деятельности среди русских иммигрантов. Члены Миссии продолжали совершать богослужение в праздничные и воскресные дни, проповедовать в храмах и вне храмов, совершать требы и поездки в находившиеся в провинции миссионерские станы (к 1930 г. их уцелело только два - в городах Кюхе и Каругай), продолжали учить детей и оглашать взрослых. Миссионерские станы духовно окормлял скончавшийся от недоедания 12 декабря 1929 г. священник Лука Ким. [2, с. 141-142]

Во многом благодаря самоотверженным трудам отца Феодосия Миссия продолжала существовать, хотя преимущественно ограничивалась церковно-приходской деятельностью. За время его управления Миссией были крещены 75 человек. В 1930 г. архимандрит Феодосий обратился к Владыке Сергию с просьбой освободить его от должности начальника Миссии по состоянию здоровья. С согласия архипастыря он переехал в Токио, где, к глубокому огорчению митрополита Сергия, отец Феодосий в начале 1933 г. заболел крупозным воспалением легких и скончался 23 января того же года. 25 января митрополит Сергий в сослужении 10 японских священников

совершил чин отпевания в Никольской церкви на Суругадае; похоронили архимандрита Феодосия в Токио на православном участке кладбища Дзосигая, расположенного недалеко от крупного железнодорожного вокзала Икэбукуро, на севере исторического центра Токио. В 1930 г. прямое управление Миссией взял на себя Токийский архиепископ (со 2 апреля 1931 г. митрополит) Сергей. Из клириков в Корее остался один лишь диакон Алексей Ким Ки Хан. Фактически Миссией управлял приходской совет, в основном состоявший из русских эмигрантов. [19, с. 355-356]

Зимой 1930/1931 г. архиепископ Сергей (Тихомиров) сделал своему по прежним петербургским временам близкому другу епископу Севастопольскому Вениамину (Федченкову), проживавшему тогда в Париже и пребывавшему в юрисдикции Московского Патриархата, письменное предложение прибыть к нему на помощь в миссионерской работе и, в частности, встать во главе Корейской Духовной Миссии. Владыка Вениамин первоначально согласился, но, как видно из активной переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) с архиепископом Сергием (Тихомировым) и митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским), временно управляющим западноевропейскими приходами Московского Патриархата, все же было решено, по просьбе Владыки Елевферия, оставить для пользы дела епископа Вениамина в Западной Европе. [11, с. 303-325]

В письме от 5 января 1931 г. митрополит Сергей (Страгородский) поручил Владыке Елевферию побывать в Париже и встретиться с главой русского Западноевропейского экзархата митрополитом Евлогием (Георгиевским) и его сотрудниками. В Париже митрополит Елевферий пробыл в течение месяца (с 3 по 27 февраля), ожидая отбывшего в Константинополь Владыку Евлогия. Вернувшийся 24 февраля митрополит Евлогий сообщил о своем переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. За митрополитом Евлогием по-

следовала значительная часть русской церковной эмиграции, а также Парижский Свято-Сергиевский богословский институт. Оставшийся в подчинении Московской Патриархии инспектор Свято-Сергиевского института епископ Вениамин был уволен митрополитом Евлогием.

Указом Московской Патриархии временным управляющим Западноевропейской епархией был назначен митрополит Елевферий, который встречался в Париже и с епископом Вениамином. В письмо от 7 марта 1931 г. Владыки Вениамина Заместителю Патриаршего Местоблюстителя говорилось: «Я, согласно указу Московской Патриархии, остался в каноническом подчинении ей и временно управляющему оставшейся верною Русской Православной Церкви паствой митрополиту Елевферию. А, кроме того, я обязан доложить Вашему Высокопреосвященству, что по моему искреннему и давно уже образовавшемуся мнению... оказываюсь нередко не вполне согласным с массою эмиграции. Если же что и удерживало еще меня здесь, так это Богословский институт... При таком стечении обстоятельств я не смог счесть случайным совпадением получение именно в это время, даже в самый последний день пребывания митрополита Елевферия в Париже (13/26 II), обстоятельного письма от архиепископа Японского Сергия, которое я и прочел вслух митрополиту.

В письме же своем архиепископ Сергий предлагает мне стать «начальником православной миссии в Корее» (и вообще быть помощником ему, со временем, даже и возможным заместителем его); при этом он прислал мне подлинный указ Московской Патриархии с определением от 18 декабря 1929 г. □ 220, о том, что ему предоставляется право «делать распоряжения, касающиеся православной миссии в Корее, с донесением о важнейших из них Патриархии». По силе этого права архиепископ Сергий готов бы и сам «назначить» меня «начальником миссии»; но и он полагает, что в связи с другими вопросами об организации миссии в Корее, и вследствие моей зависимости от Московской Патриархии, надлежит сне-

стись ему с Вашим Высокопреосвященством - в случае моего согласия на его предложение.

При этом он пишет, между прочим, что давно думал именно обо мне, как помощнике ему; что «мысль» обо мне его «никогда не покидала», и когда он писал в Патриархию рапорт о Корейской миссии; где, в частности, просил «вопрос о назначении преемника о. архимандриту Феодосию оставить открытым до получения» «подробного доклада о состоянии миссии в Корее и проекта полной реорганизации ее, во главе с самостоятельным епископом, если продолжение миссии будет желательным», то «под епископом» этим, «возможным главою Корейской миссии» он «еще в 1929 году разумел только» меня недостойного. Посему я почел сей зов как послушание Богу, идущее от Ангела Японской Церкви. Посему я известил архиепископа о своем «согласии», прося Вашего разрешения и благословения». [11, с. 303-325]

Два дня спустя, 9 марта епископ Вениамин отправил митрополиту Сергию (Страгородскому) новое письмо: «Долг имею донести Вашему Высокопреосвященству, что архиепископ Японский Сергей сделал мне письменное предложение прибыть к нему на помощь в его миссионерской работе и, в частности, - стать во главе Корейской миссии. В случае моего согласия он имел обратиться за окончательным решением вопроса к Московской Патриархии. Ответив со своей стороны ему согласием, я честь имею доложить об этом Вашему Высокопреосвященству, ожидая от Вас и Священного Патриаршего Синода, а через Вас - от Самого Господа нашего Иисуса Христа, послушания, какое ему будет угодно возложить на мое недостойнство».

Епископ Вениамин уведомил о своем решении и письмах митрополиту Сергию (Страгородскому) и митрополита Елевферия. Узнав об этом, Владыка Елевферий 17 марта 1931 г. сообщил Заместителю Патриаршего Местоблюстителя о необходимости пребывания епископа Вениамина в Париже: «По частным сведениям из Парижа преосвященный Вениа-

мин действует с присущей ему энергией, ободряет малое стадо, понемногу привлекает новых членов, возрождает интерес к стоянию в Истине, быть верными Патриархии. Расширение церковного дела, если Бог судит то, будет идти, если не произойдет чуда Божия, медленно. Если бы Господь послал священника, по энергии могущего заменить епископа Вениамина, то тогда можно было бы отпустить его в Японскую миссию. Но теперь, когда дело положительно только в зачатке, я полагаю, епископ Вениамин нужен в Париже. В Японской миссии неотложной нужды в нем пока нет». [11, с. 303-325]

Прислушавшись к рекомендации Владыки Елевферия, митрополит Сергей (Страгородский) 31 марта отправил следующее письмо епископу Вениамину: «Что касается Японии или Кореи, то я бы просил Вас пока с этим повременить. Теперь же Вы нужны в Западной Европе. О настоящем моем совете Вам Вы сообщите и архиепископу Сергию, вероятно, и он будет со мною согласен». Епископ Вениамин выполнил просьбу Заместителю Патриаршего Местоблюстителю и остался в Париже, на Пасху 1931 г. сообщив митрополиту Сергию: «Относительно Японии и Кореи - слушаюсь Вашего голоса совершенно спокойно; принимаю как послушание. Архиепископу Сергию напишу». [5, с. 182-185]

В марте 1931 г. по благословию архиепископа Сергия (Тихомирова) из Харбина в Сеул прибыл священник Александр Чистяков. Его деятельность в основном ограничивалась совершением треб и богослужений, он также заведовал хозяйством Миссии. Несмотря на отсутствие средств, продолжалась посильную миссионерскую деятельность. Около двух раз в году отец Александр посещал миссионерские станы в провинции. В 1931 г. численность православных корейцев на территории Кореи составляла 1100 человек, в 1934 г. действовала одна церковная школа. К концу своего пребывания в Сеуле (1935 г.) священник Александр Чистяков крестил еще 87 корейцев, что в трудных для Миссии условиях было немало. Рукоположение Алексия Ким Ки Хана во диакона в

1932 г. митрополитом Сергием в Токио означало возобновление института корейского духовенства. [31, р. 490] Эти данные свидетельствуют, что православные корейцы снова стали преобладать среди паствы Миссии, и их количество начало понемногу расти. При этом число русских в Корее продолжало сокращаться до конца 1920-х гг., пока российская колония в Сеуле не стабилизировалась на количестве 100-200 человек.

После отделения от Московского Патриархата в конце 1920-х гг. и особенно после личного разрыва в 1931 г. с ее иерархами Владыки Сергия (Тихомирова) Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) предприняла попытку подчинить себе Корейскую Духовную Миссию. На заседании Архиерейского Синода РПЦЗ от 7 ноября 1933 г. проживавший в Маньчжурии епископ Камчатский Нестор (Анисимов), который некоторое время поддерживал линию Владыки Сергия (Тихомирова) на сохранение канонических связей с Московским Патриархатом, но все же потом перешел в юрисдикцию РПЦЗ, был возведен в сан архиепископа и назначен начальником Русской Духовной Миссии в Корее с пребыванием в Харбине и с титулом Камчатского и Сеульского. [24, с. 203]

Следует упомянуть, что архиепископ Нестор был личным другом Владыка Сергий (Тихомирова), который задолго до революции возглавлял его архиерейскую хиротонию. Впоследствии архиепископ Нестор чувствовал выразившиеся в принятии нового титула своего рода предательство по отношению к митрополиту Сергию, он отправил в Токио несколько писем, где пытался оправдываться и просил принять свои извинения. В конечном итоге Владыка Нестор не был допущен в Корею, да и большая часть корейской православной паствы осталась верна митрополиту Сергию (Тихомирову). На заседании Архиерейского Синода от 13 апреля 1934 г. было решено освободить архиепископа Нестора от должности начальника Корейской Духовной Миссии, а «Архипастырское руководство миссионерской работой в Северной Корее

вновь поручить Преосвященному Архиепископу Харбинскому и Маньчжурскому Мелетию». [6, л. 18]

Таким образом, Харбинская епархия Русской Православной Церкви за границей продолжила попытки своей миссионерской деятельности в Корее. На севере страны еще с 1925 г. проповедовали миссионеры из Харбина. [32, с. 273] При этом важную роль сыграл служившийся в Корейской Миссии с 1915 г. псаломщик Павел Афанасьев. Выплата его зарплаты была прекращена в мае 1918 г. из-за отсутствия средств, в 1919-1922 гг. он обучался в Восточном институте во Владивостоке и после взятия Красной армией этого города вернулся в Сеул, где надеялся вновь устроиться на службу в Духовную Миссию. Из-за длительного отсутствия в Миссии, незадолго до возвращения в Сеул, - в 1921 г. П. Афанасьев был официально выведен за штат ее сотрудников, поэтому вновь принять его на службу оказалось непросто. Владыка Сергей (Тихомиров) также не благословил псаломщика на труды в Миссии. Тогда П. Афанасьев самостоятельно начал проповедовать Православие в северной Корее и к 1929 г. обратил в Православие 120 корейцев в г. Пхеньяне (по-японски Хэйдзю). [28, р. 75]

Подчинившись в 1931 г. правящему архиерею Харбинской епархии архиепископу Мелетию (Заборовскому), П. Афанасьев открыл в Пхеньяне миссионерский стан, где за два года обратил в православную веру около 450 корейцев, из которых 50 стали его активными прихожанами. Сначала он был пострижен Владыкой Мелетием в сан монаха, а в мае 1933 г. рукоположен во иеромонаха. [7, л. 46-49] Отец Павел имел в Пхеньяне домовую церковь, но паства оставалась немногочисленной. Англиканский настоятель пастор Чадвел (впоследствии епископ) знал иеромонаха, и тот не раз пользовался его материальной поддержкой. После 1939 г. сведения об отце Павле отсутствуют. По предположению архимандрита Августина (Никитина) этот русский миссионер и его дело не пережили коммунистического режима и Корейской войны 1950-1953 гг. [1, с. 154]

В 1937 г. в имени Ю.М. Янковского «Новина» (фактически небольшом русском курорте, основанном в 1926 г.), расположенном на северо-восточном побережье страны вблизи корейско-китайской границы (у порта Чхонджин), был построен Воскресенский храм для русских эмигрантов, приехавших в Северную Корею из Манчжурии в период летней жары в Китае (они жили в «Новине» или находившемся поблизости курорте «Лукоморье»). [25, с. 111; 14, с. 271-286] Миссионерский стан с домовою церковью в Пхеньяне и Воскресенский храм в имени «Новина» оставались в ведении Харбинской епархии Русской Православной Церкви за границей до 1940-х гг. (последние упоминания о них встречаются в 1939-1940 гг.). [26, с. 69]

В марте 1936 г. митрополит Сергей назначил заведующим Корейской Миссии молодого и энергичного иеромонаха Поликарпа (в миру Георгия Кондратьевича Приймака, 1912-1989). Г.К. Приймак родился 1 апреля 1912 г. во Владивостоке в крестьянской семье, в 1919 г. эмигрировал с семьей в Манчжурию, где в 1930 г. окончил гимназию в Харбине. В 1931 г. он приехал с матерью в Японию, учился в Токийской Духовной семинарии. В Токио духовным наставником юноши стал митрополит Сергей, 8 марта 1936 г. Владыка рукоположил его во диакона в Воскресенском соборе Токио, 13 марта совершил монашеский постриг отца Георгия Приймака с именем Поликарп, и 15 марта рукоположил во иеромонаха с награждением набедренником и золотым наперсным крестом. 29 марта отец Поликарп был назначен временно исполняющим обязанности священника церкви свт. Николая в Сеуле, на следующий день покинул Токио и в начале апреля прибыл в Корею. 17 марта 1937 г. он был утвержден в должности священника Никольской церкви. [9, л. 7-8; 4, с. 334-335]

К периоду 1936-1939 гг. относятся попытки возрождения миссионерской деятельности на территории Кореи. В 1936 г. Миссия организовала строительство часовни-церкви в Омпо (Северная Корея). Фактически деятельность отца Поликарпа в тот

период распространялась на весь Корейский полуостров. Его паства проживала в 17 городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю, Каругай, К^охе, Ресин и др. В основном эти общины состояли из русских, корейцев же, находящихся в постоянном контакте с ним, по данным заведующего Миссии, насчитывалось около 150 человек. По этой причине и из-за политики японских властей богослужения и проповеди совершались на церковнославянском и русском языках и только ектении - на корейском. [3, с. 58] Таким образом, успех миссионерства не был значительным – по-прежнему не хватало средств на открытие школ и на содержание катехизаторов. Деятельность Миссии оставалась преимущественно церковно-приходской.

В 1936-1938 гг. о. Поликарп несколько раз ненадолго приезжал в Японию. Следует отметить, что Корейская Миссия не рассматривалась, как часть Японской Православной Церкви, на Соборах последней никогда не было представителей Миссии и не разбирались ее дела. Таким образом, Японскую Церковь и Корейскую Миссию объединяло только личное возглавление их митрополитом Сергием. Параллельное существование православных японцев на полуострове продолжалось в течение всего колониального периода, так в 1935 и 1936 гг. Соборы Японской Православной Церкви, регистрировали 135 их представителей в Корее. Последующее небольшое увеличение числа православных японцев – до 162 в 1940 г., вероятно объясняется ростом количества японских военнослужащих. На первом послевоенном Соборе в июле 1946 г. еще говорилось о необходимости удаления из списков членов Церкви «приблизительно 130 прихожан, живущих в Корее». [30, р. 37] К этим православным японцам в 1930-е гг. по-прежнему один раз в год приезжал из Нагасаки священник, хотя позднее отец Поликарп писал, что и ему периодически приходилось духовно окормлять их. 8 октября 1939 г. митрополит Сергей в Воскресенском соборе Токио возвел иеромонаха Поликарпа в сан игумена и назначил его председателем Хозяйственного комитета при Миссии. [9, л. 9]

13 июля 1940 г. Собор православных японцев под давлением властей страны, стремившихся по военным и политическим обстоятельствам отстранить иностранцев от руководства религиозными организациями, объявил о прекращении церковного общения с Московским Патриархатом, и митрополит Токийский Сергей был отстранен от управления Японской Церковью. Оставив кафедру, он, однако, не сложил с себя обязанностей начальника Русской Духовной Миссии в Японии. Не отказался он и от архипастырского окормления Русской Миссии в Корее. Более того, митрополит Сергей, лишенный помощи со стороны православных японцев, при помощи Корейской Миссии обустроил на окраине Токио домовый храм, в котором совершал богослужения, до своей смерти 11 августа 1945 г. [22]

Таким образом, эта Миссия, единственной из всех зарубежных Русских Православных Миссий фактически осталась под юрисдикцией Московского Патриархата. По мнению некоторых историков с началом Второй мировой войны Русская Православная Церковь за границей была близка к подчинению Корейской Миссии путем поглощения всей Японской епархии, от которой Миссия зависела. [30, р. 18] Однако, хотя русские иерархи в Харбине и хиротонисали 6 апреля 1941 г. во епископа Токийского японского протоиерея Иоанна Оно Киичи, это не означало включение Японской Православной Церкви в состав РПЦЗ.

Под давлением японских властей по военным и политическим обстоятельствам Владыка Сергей 8 октября 1941 г. был вынужден формально отказаться от попечения о Корейской Духовной Миссии. Всю полноту власти и ответственность за сохранность имущества он передал о. Поликарпу (последний раз они виделись лично в ноябре 1941 г.), назначив его начальником Миссии, и, подчеркнув слово «Российской» в своей резолюции от 8 октября (это было связано с требованием японских властей ограничить деятельность Миссии окормлением русских эмигрантов, и Владыка пытался избежать про-

тиводействия японцам и сохранять ее правовой статус). [3, с. 58] 23 ноября того же года митрополит возвел отца Поликарпа в сан архимандрита. Однако митр. Сергей еще около трех лет продолжал фактически возглавлять Корейскую Миссию, последнее письмо с указаниями архимандриту Поликарпу было послано 19 октября 1944 г. [8, л. 175] В дальнейшем японские власти сделали эту связь невозможной.

Еще в 1936 г. новый генерал-губернатор Кореи Минами Хиро начал проводить политику активной японизации и ассимиляции путем запрещения употребления корейского языка в средствах массовой информации, преподавании и общественной жизни. До этого времени японские власти относились к Корее, как к внешней территории, а затем она стала рассматриваться в качестве части «большой Японии» - базы для экспансии в Китае. Однако если большинству религиозных организаций Кореи разрешили оставить богослужение на корейском языке, в отношении Православной Миссии была выбрана иная тактика. В то время как японцы стремились национализировать другие религиозные организации Кореи, высылая иностранцев, Православную Миссию они решили «загнать в гетто», жестко ограничивая ее деятельность духовным окормлением русских эмигрантов.

В 1941 г. японские военные власти выслали из Кореи всех иностранных миссионеров, как «проводников чужого влияния», кроме архимандрита Поликарпа. Это исключение было сделано в связи с тем, что русские были важны для японских планов в Маньчжурии и России, и их решили не трогать. После начала Второй мировой войны, под предлогом мер по обеспечению безопасности, власти запретили поездки архимандрита в миссионерские станы и пытались ограничить общение русских с корейцами, которых всячески старались отсечь от Миссии. Отцу Поликарпу фактически запретили покидать Сеул, а православным корейцам – приезжать из провинции в Миссию и посещать богослужения в ее храме. Только проживавшие в Сеуле корейцы могли это полуполюгально делать. [3, 59]

Также были полностью запрещены православные богослужения на корейском языке, и они в соответствии с указанием митрополита Сергия от октября 1941 г. проводились только на церковно-славянском. В 1951 г. архимандрит Поликарп писал в своей автобиографии: «Из-за невозможности тогда миссионерствовать по политической ситуации митрополит Сергий ограничил мою деятельность духовным окормлением только русских в Корее с охранением имущества Миссии». [9, л. 10] Контакты начальника Миссии с большинством его паствы оказались разорванными, и в годы войны он окормлял менее 30 православных корейцев. Впрочем, в военный период Миссия почти не подвергалась прямым попыткам захвата имущества. [8, л. 176] Однако японские власти потребовали пожертвовать на нужды войны колокола из миссионерских станов, о. Поликарп не дал своего согласия, и, в конце концов, они были взяты без разрешения архимандрита; колокола же самой Миссии в Сеуле удалось сохранить. Всего за 1935-1945 гг. в Никольском храме Сеула было совершено 37 крещений, два венчания и 35 отпеваний. [17, с. 293]

В конце войны, поскольку русские иерархи в Маньчжурii тайно отправили ходатайство о присоединении к Московскому Патриаршеству, Корейская Миссия, возможно, была передана под их власть уже в 1944 г., хотя сама Харбинская епархия РПЦЗ формально перешла в юрисдикцию Московского Патриарха только 27 декабря 1945 г. В соответствии с датированным этим же числом указом Патриарха Алексия I управляемая о. Поликарпом Корейская Миссия, «временно самостоятельная», была принята в ведении Московского Патриарха, а сам архимандрит утвержден ее настоятелем. [3, с. 59] 1 апреля 1946 г. архиепископ Харбинский Нестор (Анисимов) написал архимандриту Поликарпу, что Корейская Миссия включена в состав новообразованного Восточно-Азиатского экзархата. Это известие было получено в Сеуле 29 мая и признано в ответном письме о. Поликарпа от 21 июня 1946 г., приложившем к нему отчет о своей деятельности и состоянии

Миссии. [8, л. 174] Таким образом, несмотря на временное прерывание связей, Корейская Духовная Миссия неизменно оставалась преданной Московскому Патриархату.

В указанном письме архиепископу Нестору о. Поликарп писал: «Преждевременная кончина Владыки Митрополита Сергия неблагоприятно отразилась на Духовных Миссиях в Японии и в Корее... Епископ Николай Оно, ставленник японской жандармерии и возглавитель «группы маловеров-спекулянтов» (выражение покойного Владыки Сергия. А. П.) среди большинства православных японцев остался не признанным. И, конечно, после окончания войны наш Владыка Митрополит автоматически возглавил бы опять Японскую Православную Церковь... И наша Миссия в Корее вздохнула бы тогда облегченно... приходит-ся много времени и сил употреблять на то, чтобы «отлаиваться»... Простите, так в шутку я называл свою деятельность при японцах, которые особенно в период войны 1941-1945 гг. с разных сторон подбирались к имуществу Миссии. К сожалению, вместо отдыха и регулярной прямой работы по Миссии, приходится продолжать «отлаиваться»... Будь жив Владыка, ничего, пожалуй, этого не было бы. Но... Владыки нет... Вы поймете, поэтому, мою особенную благодарность местному Генеральному Консульству СССР, которое помогло мне связаться с Патриархией и с Вашим Высокопреосвященством. Остро чувствовавший раньше одиночество и оторванность в работе по защите от посягательств на имущество Миссии, я опять обрел силы и надежду видеть спасенным здесь слабо тлеющий огонек Православия, готовый вот-вот затухнуть. Не оставьте же Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка, нашей Миссии без своих забот и попечений. Верю, что под мудрым водительством Вашего Высокопреосвященства - опытного миссионера - положение Духовной Миссии в Корее закрепится, - и из захиревшей, почти мертвой, она восстанет обновленной и цветущей». [8, л. 175-176]

Вторая мировая война не очень заметно повлияла на жизнь не только «белой», но и «красной» русской колонии в Корее. Даже после того, как 8 августа 1945 г. СССР официально объявил войну Японии, сотрудники советского консульства не были арестованы, японские власти лишь запретили им покидать территорию консульства. Эти ограничения действовали только неделю, так как 15 августа война в Корее завершилась, и страна освободилась от 35-летней оккупации. [1, с. 155] Изгнание японцев, раздел Кореи на северную и южную части по 38-й параллели, и установление там соответственно «коммунистического» и «демократического» режимов стало началом нового этапа истории Православной Миссии, очень осложненного постепенно разгоравшейся борьбой двух послевоенных сверхдержав - СССР и США. Контраст между строгим контролированием и притеснением христиан на Севере Кореи, где они представлялись опасными конкурентами коммунистов, и поддержкой христиан на Юге, где американцы видели в них естественных союзников, вызвал «религиозную эмиграцию» на юг. Это стало причиной переезда в район Сеула некоторого количества православных корейцев и антисоветских настроенных русских эмигрантов из Северной Кореи и Маньчжурии.

Вызванная притоком беженцев острая нехватка жилой площади стала причиной новых покушений на собственность Духовной Миссии. Некоторые из покинувших Китай русских эмигрантов участвовали в попытке захвата Миссии в 1925 г. Среди участников этого покушения был и диакон Алексей Ким Ки Хан. В 1930-х гг. он трудился в Миссии, но, согласно свидетельству архимандрита Поликарпа, по причине слабого образования и отсутствия интереса к миссионерской работе оказался мало полезен для дела. Митрополит Сергей терпел о. Алексея присутствие в Миссии лишь постольку, поскольку он был, по словам Владыки, «осколком от старой Миссии» (Ким учился в миссийской школе в 1907-1912 гг.). Таким образом, диакон Алексей фактически был временно принят на службу в Миссию из жалости и нежелания дать повод упрекнуть рус-

ских в безразличии к миссионерским трудам среди корейцев. [19, 359-360]

Тем временем, изменилось настроение прежней «белой» эмиграции в Сеуле, прежде всего в связи с политикой советских властей по оказанию помощи интеграции русской православной диаспоры с Московским Патриархатом, за что архимандрит Поликарп к лету 1946 г. выразил благодарность генеральному консульству СССР в Сеуле. [8, л. 175] Многие из этих русских приняли советское гражданство и уехали из Сеула после того, как консульство СССР было закрыто американцами в 1946 г. из-за его предполагаемой поддержки нелегальной левой оппозиции. К лету 1947 г. взрослое русское эмигрантское население Сеула сократилось примерно до 20 человек. [20, с. 48]

В первое послевоенное время, видя доброжелательное отношение к христианским миссионерам со стороны американских военных властей в Корее, о. Поликарп, подобрав себе новых помощников, возобновил активную миссионерскую деятельность. В этом деле ему, по благословению Московского Патриарха, оказывал материальную помощь Восточно-Азиатский экзархат (с центром в Харбине). [9, л. 10] Кроме того, архимандрит предпринял попытку упорядочить деятельность Миссии и расширить помещения для ризницы, библиотеки, церковных собраний и т.д. Для этого необходимо было отказать в аренде миссийских зданий ряду лиц, проживавших в Миссии и даже незаконно сдавших в целях прибыли часть занимаемых квартир. Обиженные квартиранты старались оклеветать о. Поликарпа перед властями. В частности, пользуясь националистическими чувствами корейцев, эти люди распространяли слухи о том, что имущество Миссии принадлежит ненавистой Японии (при этом вспоминалось о регистрации собственности Миссии в 1925 г., проведенной архимандритом Феодосием). [19, с. 360] Архимандрит Поликарп так писал об этой ситуации в упоминавшемся письме архиепископу Нестору от 21 июля 1946 г.: «В Корее у нашей

Миссии находятся «доброжелатели» из русских беженцев, которые по некоторым соображениям (главный образ, кажется, потому, что хотят удержаться в миссийских удобных для них квартирах) наговаривают американцам, что наша Миссия, мол, была японским имуществом (это бази-руют на том основании, что некоторое недвижимое имущество зарегистрировано на имя Имущественного Общества Японской Православной Церкви...) и поэтому-де теперь имущество должно перейти американцам». [8, л. 175]

Представление, что это было «японское имущество» оказалось широко распространенным и среди корейцев и сыграло существенную роль в дальнейших событиях. Конфликт тлел до 1947 г., когда для участия в конференции по вопросу объединения Кореи в Сеул приехала советская комиссия, снова разместившаяся в здании Российского консульства рядом с Миссией и превратившая эту часть Чонг-Донга в «центр коммунистической пропаганды» в Сеуле. Дом архимандрита Поликарпа находился по соседству, и советские делегаты посетили его, кроме того, произошел публичный скандал в церкви. До сих пор не вполне ясны отношения сотрудников комиссии с о. Поликарпом в это время - в середине 1950-х гг. некоторые православные корейцы говорили, что видели изображение Сталина в доме архимандрита Поликарпа, красный флажок на церковных воротах и шумные заседания, которые «комиссары» устраивали в Миссии. В тоже время местные русские эмигранты утверждали, что о. Поликарп никогда не был настроен коммунистически. [31, р. 487]

7 января 1947 г. в Токио для управления Японской православной епархией при содействии оккупационной администрации США прибыл находившийся в юрисдикции русской Северо-Американской митрополии архиепископ Питсбургский Вениамин (Басалыга), делегация же Московского Патриархата не была пропущена в Японию американскими властями. 5 июня того же года противники архимандрита Поликарпа из среды русских эмигрантов и корейцев, имевшие к нему пре-

тензии в личном плане и рассчитывавшие на получение миссийского имущества, объединились и направили два письма епископу Вениамину с просьбой решить вопрос об их «духовном окормлении», убрать о. Поликарпа и назначить нового священника (эти письма остались без резолюции). [30, р. 20]

Не вполне ясно, как авторы писем поняли природу церковных преобразований, которые произошли в военной и послевоенной Японии, поскольку оба ходатайства просто называют Токио центром Японской Православной Церкви с довоенного периода, и просят, чтобы новый священник был послан оттуда или из США. Обвинения против начальника Миссии в основном касаются духовной дисциплины и этики; о. Поликарп подозревается в прелюбодеянии и обвиняется в увольнении сотрудников в связи с личными разногласиями, несоблюдение поста, организации группировок, игнорировании Корейского комитета и использовании церковного капитала по собственному усмотрению. Соответствующие ходатайства подписали 6 русских и 58 корейцев. Правдивость этих обвинений установить невозможно, однако следует отметить почти полное отсутствие политических мотивов; хотя русские и упоминали организацию о. Поликарпом вечера для советских офицеров и праздничное освещение здания церкви 1 мая, но не было никакого предположения о шпионаже.

Благодаря помощи западных миссионеров, знавших архимандрита Поликарпа долгие годы, ему удалось убедить власти воспрепятствовать приезду архиепископа Вениамина в Сеул и временно предотвратить поглощение им Корейской Миссии. [19, с. 361] В то время как в Японии в свете холодной войны борьба за Православную Церковь шла полным ходом, власти Южной Кореи все еще расценивали это как внутренний духовный вопрос. Конфликт, тем не менее, не был исчерпан. Летом 1948 г. группа «корейских дельцов» подала в Имущественное попечительство заявление о своих правах на имущество Миссии, но архим. Поликарпу, по его словам, удалось «отбиться». [9, л. 16]

Хотя оппозиция о. Поликарпу не исчезла, внутренние волнения в Миссии, возможно, со временем прекратились, если бы не произошло обострение американско-советского кризиса на Корейском полуострове. Южнокорейские и американские власти стали подозревать Православную Миссию в качестве канала коммунистического влияния. Вероятно не без участия властей, в начале октября 1948 г. архиепископ Вениамин (Басалыга) в тайне от архимандрита Поликарпа вызвал диакона Алексия Ким Ки Хан в Токио, рукоположил его во иерея и назначил «начальником Корейской Миссии». [9, л. 17] Вряд ли это оказалось сделано по инициативе Владыки Вениамина, который, по отзывам современников, был совсем не агрессивен в церковном плане.

12 декабря 1948 г., после Божественной литургии в храме Миссии, противники архимандрита Поликарпа зачитали письмо архиепископа Вениамина, с предписанием сдать все дела начальника Миссии о. Алексия Ким Ки Хану на основании того, что православные японцы признали юрисдикцию митрополита Феофила. Разорвав русскую копию послания архиепископа, о. Поликарп заявил, что не подчиняется требованиям незаконной церковной власти, так как Корейская Миссия никогда не была в ведении Японской консистории, а лишь в личном ведении митрополита Сергия (Тихомирова). Архимандрит попросил всех разойтись, но толпа недоброжелателей насильно вывела его из храма, разорвала рясу и разбила стекла в дверях церкви. Отца Поликарпа пыталась защитить несколько русских прихожанок во главе с его матерью, но лишь полиции удалось остановить потасовку. Вечером того же дня архимандрит Поликарп и его мать были арестованы и заключены в полицейский участок. После свидетельству начальника Миссии захват ее имущества произошел с согласия американской администрации. [9, л. 11, 18]

18 декабря в присутствии о. Алексия Ким Ки Хана и нескольких его сторонников полицейский чиновник предложил «передать им церковь для возобновления богослужения» и

спросил, согласен ли о. Поликарп с распоряжением церковной власти в лице архиепископа Вениамина. Архимандрит Поликарп дал отрицательный ответ. «Признаешь ты или не признаешь, сдаешь ты или не сдаешь, - нас это не касается... Мы признаем и мы сделаем, в целях общественного спокойствия...» - таково было заключение полицейского чиновника. Тут же, без подписи о. Поликарпа, был составлен соответствующий протокол, закреплявший права на Духовную Миссию с ее земельными участками, постройками, движимым имуществом и библиотекой за раскольниками. [19, 361-362]

До 23 декабря архимандрит вместе с матерью сидел в полицейском участке, затем мать освободили, а начальника Миссии перевели в тюрьму Кемукван, где от него продолжали добиваться признания законными распоряжений из Токио. Пребывание архим. Поликарпа в тюрьме Кемукван закончилось 29 декабря 1948 г. благодаря защите адвоката, нанятого стараниями одной благочестивой русской прихожанки. Суд не нашел никакой вины за о. Поликарпом, его обвинение в «политической неблагонадежности» и шпионаже в пользу СССР сфабриковать не удалось. [9, л. 11, 18] Возвращение захваченного имущества Миссии оказалось чрезвычайно сложным – это можно было сделать лишь через суд, решение которого почти наверняка не было бы не в пользу о. Поликарпа. 10 мая 1949 г. архим. Поликарп писал в телеграмме на имя Патриарха Алексия: «Меня всячески принуждают сдать Миссию и уйти из Миссии. Молюсь в своей келии». [19, с. 362]

Еще в январе 1949 г. о. Поликарп и его мать приняли советское гражданство. Выйдя из тюрьмы, архимандрит находился под наблюдением полиции и жил подаванием, но, несмотря на это, принял все меры, чтобы вернуть Миссию через суд, так как имел для этого законные основания. По свидетельству о. Поликарпа ему с помощью экзарха Московского Патриархата в Америке архиепископа Макария почти удалось добиться успеха в деле возвращения Миссии, однако этому помешали новые репрессии. [9, л. 12]

18 июня 1949 г. о. Поликарп был вторично арестован по обвинению в шпионаже и заключен в тюрьму. В отделении полиции архимандрита допросили и заявили, что поскольку стало известно о принятии его в советское гражданство, то он подлежит высылке по распоряжению южнокорейских властей. В своей автобиографии от 3 января 1951 г. о. Поликарп отмечал: «...Ко мне были применены азиатские пытки... [21 июня]. По истечении 11 дней меня вместе с матерью выслали из Южной Кореи в Северную, причем все наше личное имущество было конфисковано». [19, с. 362]

29 июня в сопровождении полицейских архимандрита Поликарпа и его престарелую мать доставили к 38-й параллели и предложили идти дальше самим. Через несколько часов они достигли северокорейского пограничного пункта, где их доставили к офицеру. 3 июля 1949 г. архимандрит прибыл в Пхеньян, где ему была оказана советским посольством необходимая материальная и медицинская помощь. [12]

Вскоре Патриарх Алексей прислал о. Поликарпу телеграмму, полную заботы о дальнейшей судьбе Корейской Миссии: «С удовлетворением узнали мы о Вашем освобождении. Сердечно поздравляем. Прошу прислать ответ о состоянии Миссии в Сеуле, о причинах высылки и Ваших соображениях о дальнейших мероприятиях по восстановлению деятельности Миссии». [9, л. 39] Ответная телеграмма архимандрита была краткой и не внушала оптимизма: «...Все движимое и недвижимое имущество Миссии незаконно передано через полицию корейцам, признавшим феофиловскую юрисдикцию. Думаю, что восстановить деятельность Миссии можно будет только после того, как будет восстановлена законная власть в Южной Корее». [9, л. 40] 18 июля о. Поликарп рассказал в Пхеньяне корреспонденту ТАСС об истории своего служения и высылки из Южной Кореи. 9 сентября 1949 г. архимандрит, согласно новой телеграмме Патриарха Алексея, выехал из Пхеньяна в Харбин, где стал служить в Никольском кафедральном соборе.

В дальнейшем бывшего начальника Миссии без малейших оснований называли в южнокорейской печати советским агентом. Еще в середине 1960-х гг. православный корейский студент-теолог Александр Чанг в своей работе писал, что «в действительности он секретно работал на коммунистическую шпионскую сеть». [9, р. 325] Однако материалы хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации личного дела Владыки Поликарпа полностью опровергают эти утверждения. Наоборот, чиновники Совета по делам Русской Православной Церкви относились к нему, как к бывшему эмигранту (несмотря на его героическое поведение в Сеуле), с явным недоверием. [9] Впрочем, в одной из справок Совета отмечалось, что архимандрит «зарекомендовал себя как честный, порядочный человек, патриотически относящийся к нашей родине... Реакционные священники именуют Поликарпа большевиком, патриаршим агентом, вегетарианцем, бессеребреником». [17, с. 293]

Только 21 декабря 1950 г. архимандрит Поликарп приехал из Харбина в Москву. В сентябре 1951 г. он был назначен в Иерусалим начальником Русской Духовной Миссии в Палестине и служил там до апреля 1955 г., затем был духовником Свято-Николаевского женского монастыря в Мукачево. 19 июля 1957 г. в Троице-Сергиевой Лавре состоялась хиротония о. Поликарпа во епископа Кировского и Слободского, которую возглавил Патриарх Алексий. В ноябре 1962 г. Владыка Поликарп был назначен епископом Архангельским и Холмогорским, в январе 1966 г. – епископом Ивановским и Кинешимским, а в июле 1968 г. - епископом Пензенским и Саранским. 16 декабря 1969 г. он был уволен на покой и проживал в Симферополе, где и скончался 23 июля 1989 г. Погребли Владыку на кладбище с. Пионерское в Крыму, в тех местах, где он, будучи на покое, часто рисовал. [15, с. 493-494]

Таким образом, при активном содействии южнокорейских властей и американской оккупационной администрации Рус-

ская Православная Миссия в Сеуле перешла в юрисдикцию возглавлявшего Северо-Американский митрополичий округ митрополита Феофила (Пашковского, 1874-1950). Церковные, также как и дипломатические, торговые и культурные связи между Россией (в тот момент СССР) и Южной Кореей были насильственно расторгнуты. Начальником Миссии стал о. Алексей Ким Ли Хан, управлявший ею до середины 1950 г. Падение Сеула в первые дни Корейской войны поставило православных прихожан перед выбором – остаться под коммунистической властью или уходить на юг с отступавшими войсками. Большинство, по всей видимости, бежало в Пусан, взяв с собой церковные святыни, но их пастырь – о. Алексей остался и был арестован коммунистами 9 июля 1950 г., депортирован на север страны и бесследно исчез (вероятно, погиб). Во время боев за Сеул здание Российского консульства оказалось разрушено, принадлежавшие Миссии постройки сильно пострадали, а церковь взорвали. [18, с. 131]

После изгнания северян из Сеула православные корейцы вернулись к разрушенным зданиям Миссии, и первоначально были вынуждены собираться во дворе. Однако вскоре они получили неожиданную помощь. В период боевых действий с греческой экспедиционной бригадой в составе войск ООН в Корею прибыли священники Элладской Церкви, что в дальнейшем имело серьезные последствия. В 1952-1953 гг. православная церковь в Сеуле была восстановлена с помощью пожертвований греческих солдат, и корейцев стали окормлять священники бригады. Особым рвением в этом плане отличался архимандрит Андреос (Халкиопоулос); несколько сотен новых прихожан приняли святое крещение и были обучены основам христианской веры. Греческие солдаты присоединились к корейскому церковному хору и стали участвовать в православных праздниках на территории Миссии. Определенную поддержку корейские миряне получали также от эфиопов (особенно от их полкового священника Арайи Селассиэ) и от немногочисленных американских православных солдат, но только греческие

священники помогли им возобновить богослужебную жизнь. После окончания войны два молодых корейца - Костас Ким и Александр Чанг были взяты учиться в Коринфской теологической семинарии. [29, р. 325-326]

В самом конце войны – 15 июля 1953 г. в Сеул на несколько дней прилетел известный архипастырь Северо-Американской митрополии епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Он прибыл с целью передать благословение православным воинам, находившимся в американской армии и частях ООН, а также посетить сильно пострадавшую в ходе боев Корейскую Духовную Миссию. В своих заметках о посещении Кореи Владыка так описывал свои впечатления: «Вечером того же дня было служение в храме православной нашей Сеульской Миссии... Приходят молодые и пожилые корейцы. Всего собирается человек 40. Мы надеваем рясы, облачаемся и служим акафист по-славянски и по-гречески... Молимся за корейский народ и за все народы мира, - и за это малое стадо православное, чудом сохранившееся среди полуразрушенного города, его полуразбитой миссии... Говорю им слово, которое переводит на корейский язык пожилой кореец, староста, бывший переводчик русской дипломатической миссии в Сеуле... Раздаю корейцам крестики, иконки». [13, с. 377]

На следующий день епископ Иоанн раздал в здании Миссии привезенные из США подарки и провел собрание прихожан, на котором они предложили двух кандидатов «для посвящения постоянного пастыря-корейца». Владыка выразил согласие на проведение рукоположения и обещал материальную помощь от Православной Церкви в Америке, однако общее впечатление от увиденного у него осталось тяжелое: «Миссия Сеульская почти разрушена, и число членов уменьшилось более чем в 10 раз...». [13, с. 378]

После окончания кровопролитной войны 1950-1953 гг. Корея была разделена на два государства по 38-й параллели. В северной части (так называемой Корейской народной демократической республике) православная церковная жизнь

исчезла на несколько десятилетий, а в южной сохранилась и получила дальнейшее развитие. Побывавший в Сеуле вскоре после войны американец Ричард Ратт позднее вспоминал: «Трогательно было присутствовать на литургии весной 1954 года, которая служилась и пелась на корейском языке, но по русским напевам, с несколькими ектениями по-славянски и по-гречески, причем солдаты отвечали хором на свой распев. Было еще любопытнее принимать участие в приходском пикнике с корейцами, греками и эфиопами. Каждая группа со своей национальной пищей, и я – один неправославный среди всех. Я долго буду хранить теплую память об «агапе», последовавшей за освящением новой школы при церкви [устроенной на пожертвования греческих солдат в старом миссионерском доме]». [31, р. 489-490]

Прежде чем покинуть Сеул и вернуться в Грецию архимандрит Андреос (Халкипоулос) способствовал тому, чтобы назначенный им в качестве преемника благочестивый мирянин Борис Мун Хичун, избранный членами православной общины в Сеуле, смог принять духовный сан в Токио. 9 января 1954 г. Борис был рукоположен епископом Токийским Иренеом (Бекишем) во диакона, а на следующий день – во иерея, но это было в последний раз, когда рукоположение корейца совершил православный Токийский архиерей. [31, р. 490]

Вхождение в состав Северо-Американской митрополии Японской епархии создавало непреодолимые трудности для жителей Южной Кореи. Освободившись после окончания II Мировой войны от многолетнего гнета, корейцы считали совершенно неприемлемой любую зависимость от Японии, многие из них прямо ненавидели японцев. Поэтому подчинение Японской епархии, даже формальное, стало для Корейской Миссии невозможным; ее члены хотели разорвать последнюю связь с Токио, откуда управлял ими русский епископ из Америки. Это стало основной причиной того, что состоявшийся 24, или по другим сведениям, 25 декабря 1955 г. съезд корейских православных христиан (их насчитывалось тогда

около 400) принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату в лице Греческой архиепископии в Америке. [30, р. 21] С 1956 г. их окормлял греческий экзарх Константинопольского Патриарха в Северной и Южной Америке архиепископ Иаковос (Коукоузис), который получил экзотический титул экзарха Атлантического и Тихого океанов. Новая надпись на портале храма в Сеуле гласила: «Корейская Православная Церковь. Диоцез [епархия] Греческой Северо-Американской Православной Церкви». [31, р. 489] Так начался «греческий период» в истории Православия в Корее, который в основном продолжается до настоящего времени.

С 1954 г. основную тяжесть приходской деятельности в Сеуле нес единственный священник Борис Мун, отдавший миссионерскому делу 21 год своей жизни. В 1957 г. был отремонтирован и достроен храм. Только спустя два десятилетия Православная Миссия в Южной Корее активизировала свою деятельность благодаря трудам новых пастырей, прибывших сюда из Греции. В 1970 г. решением Патриарха Афинагора и Константинопольского Синода была учреждена специальная митрополичья кафедра, объединившая под своим управлением православные приходы в Новой Зеландии, Индии, Корее, Японии, Сингапуре, Индонезии, Гонконге и на Филиппинах (это был своеобразный ответ на учреждение Московским Патриархатом в 1970 г. автономной Японской Церкви и автокефальной Американской Православной Церкви). Несколько десятилетий Корейская Православная миссия находилась под омофором митрополита Новозеландского Дионисия (Псиахаса). В 1975 - 1990-х гг. начальником Православной Миссии в Южной Корее являлся грек архимандрит Сотирios (Трампас). В его ведении находились три православных общины, расположенные в самых больших городах страны: Сеуле, Пусане и Инчхоне, которые помимо о. Сотирiosa окормлял корейский священник Даниил На. В миссионерском центре Сеула действовал храм в честь Успения Богоматери. С 1980-х гг. в Сеуле выходит еженедельник «Ио Бо» на корейском языке. В 1968

г. для маленьких православных корейцев было построено здание воскресной школы, которую посещает около 500 детей. В 1973 г. в Сеуле был организован Музей истории Православия в Корее. [10, с. 317-318]

Следует отметить открытие в Сеуле помимо церкви Успения Божией Матери храма свт. Николая Чудотворца, освящение которого 24 сентября 1978 г. совершил митрополит Новозеландский Дионисий. В 1982 г. был освящен новый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы во втором по величине городе страны - Пусане, а также основана Богословская семинария в Сеуле. Ее работа проходит в тесном контакте с Ассоциацией православной молодежи Кореи, которая является членом Международной молодежной православной организации Синдесмос. Миссия также занимается социальной работой, при миссионерском центре функционируют «Общество любви к бедным» и «Касса стипендий для нуждающихся студентов». Основной бюджет Миссии складывается из добровольных взносов верующих, перечислений из фондов «Апостолики Диакония» («Апостольское служение» - миссионерская организация при Свящ. Синоде Элладской Церкви) и частных пожертвований через общество корейско-греческой дружбы. О популярности Православия в Корее говорит уже тот факт, что во время Олимпийских игр в Сеуле (1988 г.) на центральном стадионе была сооружена православная часовня. [2, с. 144-145]

В 1993 г. назначенный на Корейскую кафедру архимандрит Сатириос был хиротонисан во епископа Зельского, викария митр. Новозеландского Дионисия. В дальнейшем построили новые православные храмы в Чонджу и Палангли, а в конце 1990-х гг. - часовню в г. Ислан, в Капъннге возник небольшой женский православный монастырь Преображения Господня. В 1995 г. вблизи сеульского храма свт. Николая были возведены здания, в которых расположился Миссионерский центр, освященная во имя свт. Николая Чудотворца Богословская семинария, а в дальнейшем и две небольшие

церкви – Успения Пресвятой Богородицы и преп. Максима Грека. [18, с. 131] В июне 2004 г. Владыка Сатириос был возведен в сан митрополита Корейского, получив также формальный титул экзарха Японии.

Несмотря на фактическое закрытие Российской Духовной Миссии в Корее, в стране остались православные корейцы, которые помнят, что их родители были крещены русскими священниками, и в последние два десятилетия начали возобновляться связи Православия в Корее с Россией. В марте 1990 г., во время конференции Всемирного Совета Церквей «Справедливость, мир и целостность творения», проходившей в Сеуле, Корейская Православная Миссия гостеприимно встречала у себя участников этой конференции - представителей Матери - Русской Православной Церкви. В том же году верующие Кореи собрали 1,5 млн. долларов для выпуска значительного тиража Библии на русском языке в рамках проекта гуманитарной помощи России. [16] В 1990-х гг. в Санкт-Петербургской Духовной Академии проходили стажировку православные студенты из Южной Кореи, в частности, священник Иустин (Канг Те Янг) и чтец Владимир (Юнг Кил Ли). В 1995 г. в этой стране появился приход Русской Православной Церкви за границей, который возглавил перешедший в ее юрисдикцию из Константинопольского Патриархата корейский священник. [18, с. 131]

В мае 1999 г. президент Республики Корея Ким Де Чжун во время своего официального визита в Россию посетил Патриарха Московского и всея Руси Алексия II; в ходе их встречи обсуждался вопрос об открытии храма Русской Православной Церкви в Сеуле. Вскоре такая церковь была открыта вблизи православного храма свт. Николая, в одном из помещений приходского дома, ее освятили в честь преп. Максима Грека, чья судьба была связана с Россией. С сентября 2000 г. по благословению председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (нынешнего Патриарха), окормлением российской общины в

Сеуле занимается окончивший Смоленскую Духовную семинарию священнослужитель Московского Патриархата, родившийся в корейской семье в г. Южно-Сахалинске иеромонах Феофан (Ким), [1, с. 162-163] 6 июня 2006 г. он был возведен в сан игумена.

В июне 2003 г. началось строительство в русском стиле православного храма Московского Патриархата в столице КНДР – Пхеньяне, которое завершилось через три года. 13 августа 2006 г. перед западным входом в храм Пресвятой Троицы, расположенный в районе Чонбек на берегу реки Тэдон в южной части Пхеньяна прошла торжественная церемония, связанная с окончанием строительства храма, в которой приняли участие митрополит Кирилл (Гундяев) с иерархами и клириками Русской Церкви, а также председатель Комитета Православия КНДР Георгий Хо Ир Дин и чиновники правительства. Обращаясь к участникам церемонии, Владыка Кирилл сказал: «Мы участвуем в историческом событии. Более ста лет назад русские православные люди прибыли в Корею, и здесь началась жизнь Православной Церкви. С того времени два народа стали лучше понимать друг друга. Однако после Второй мировой войны по политическим причинам Русская Православная Церковь была вынуждена покинуть юг Кореи. Сегодня мы освятим храм Живоначальной Троицы в Пхеньяне. Это корейский православный храм, построенный по инициативе руководителя страны Ким Чен Ира при активном участии Православного комитета КНДР. Этот храм воздвигнут замечательными корейскими мастерами. Русская Православная Церковь с любовью и радостью содействовала этому строительству. Мы особенно рады тому, что в этом храме будут служить корейские священнослужители. Он будет открыт для корейских верующих, а также для всех православных, которые живут в этом городе».

Затем митрополит Кирилл, архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин, епископ Абаканский и Кызылский Ионафан, епископ Егорьевский Марк в сослужении русских и

корейских клириков совершили чин великого освящения храма. По окончании крестного хода вокруг храма в основание престола храма был вложен ковчег с мощами святого новомученика Сергия Ракверского. Затем была совершена Божественная литургия, за которой Владыка Кирилл рукоположил выпускника Московской Духовной семинарии диакона Феодора Кима в сан пресвитера для служения в новоосвященном храме. В дар Комитету Православия КНДР была передана необходимая для его деятельности техника. 14 августа митрополитом Кириллом за литургией в сан иерея был рукоположен кореец диакон Иоанн Ра, также получивший образование в Московской Духовной семинарии. Таким образом, впервые был открыт приход Московского Патриархата в Пхеньяне. В 2007 г. исполнилось 110 лет со дня основания Российской Духовной Миссии в Корею, и к этому времени миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на корейской земле была снова возобновлена.